

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Давыдов Д.А. Неоконченная дискуссия: к вопросу о принципах выделения общественных формаций. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10203 // Антиномии. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 75–103.

УДК 19

DOI 10.24411/2686-7206-2020-10203

НЕОКОНЧЕННАЯ ДИСКУССИЯ: К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ВЫДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОРМАЦИЙ¹

Дмитрий Александрович Давыдов

кандидат политических наук,
научный сотрудник отдела философии
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: davydovdmityriy90@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7978-9240

ResearcherID: O-3033-2017

SPIN-код: 1881-6989

*Статья поступила 04.10.2019, принята к печати 07.04.2020,
доступна online 06.07.2020*

В статье поднимается вопрос об эвристическом потенциале теории общественных формаций. Автор пытается оспорить разделяемое многими исследователями мнение, что данная теория являлась исключительно идеологическим продуктом, созданным исключительно для оправдания господствовавшего в СССР политического режима. За догматическими шаблонными суждениями скрывались живые дискуссии, нацеленные на выяснение универсальных закономерностей общественного развития. Результаты этих дискуссий не теряют актуальности и сегодня, когда

¹ Статья подготовлена в рамках работы по проекту РФФИ № 19-011-00650 А «Контурь посткапиталистического общества: перспективы и социальные противоречия».

многие ученые вновь осмысливают перспективы посткапиталистического общества. Один из важнейших аспектов теории общественных формаций – поиск релевантных критериев выделения этапов общественного развития в рамках материалистического понимания истории. Однако дискуссия о критериях выделения общественных формаций так и не была окончена. В качестве подобного рода критериев предлагались преобладающие формы собственности, исторические типы техники, специфика производственных отношений. Между тем, как показывает автор, с каждым из этих критериев было связано множество проблем. В частности, традиционная европоцентричная схема смены преобладающих форм собственности плохо согласовывалась с общественными процессами, протекавшими на Востоке. Технотехнологический критерий оказался крайне сложным с точки зрения выявления качественных этапов самого научно-технического развития. Упор на специфику производственных отношений приводил к плохо соответствовавшим реальности выводам о том, что между советским социализмом и индустриальным капитализмом есть принципиальная разница.

В статье предпринята попытка исключить устаревшие догматические и идеологические построения из теории общественных формаций. При этом рассматривается такой критерий выделения общественных формаций, как преобладающие источники потребительных ценностей (природные процессы, контролируемые природные процессы, труд, творчество). Данный критерий позволяет качественно связать в единую причинно-следственную схему количественный технотехнологический аспект с политико-правовыми явлениями вроде преобладающих форм собственности, систем отношений власти, эксплуатации и отчуждения и т.п. Автор предлагает определять общественные формации как доклассовую, сословно-классовую, классовую, персоналистскую исходя из преобладающих источников потребительных ценностей и делает вывод о том, что исторические формы социализма и капитализма являются разными модификациями классовой общественной формации, базирующейся на труде как преобладающем источнике потребительных ценностей. Становление же постклассовой (персоналистской) общественной формации на основе творчества как главного источника потребительных ценностей – крайне противоречивый процесс. Данная формация будет иметь свою внутреннюю логику, свои собственные противоречия, а стало быть, характеризующие ее категории не следует смешивать с категориями постепенно уходящей в прошлое классовой общественной формации.

Ключевые слова: теория общественных формаций, общественные формации, капитализм, социализм, коммунизм, марксизм, посткапитализм, способы производства.

Введение. Научное наследие К. Маркса и Ф. Энгельса по своим притязаниям на выявление и описание магистрального вектора развития человечества до сих пор не имеет аналогов. Разработанная советскими исследователями теория общественных формаций (здесь имеется в виду, что основоположники создали теорию формаций только лишь в самых общих чертах, предложив формационную парадигму, которую затем развивали в основном советские ученые), в свою очередь, претендовала в странах советского блока на монопольное право делать научно обоснованные долгосрочные прогнозы развития общества. При этом прогнозы эти, как предполагалось, должны были ориентироваться не на отдельные компоненты, не на те или иные черты или сферы общества, а на формирование образа будущего в его целостности. Основная функция теории общественных фор-

маций заключалась в выявлении *этапов исторического развития человечества* (общественных формаций). Это давало возможность корректировать набор принципов, лежащих в основе материалистического понимания истории. Так, рассмотрение эволюции общественных формаций позволяло выяснить, какие конкретные процессы общественной жизни оказывают существенное влияние на историческое развитие (ведут к радикальным изменениям во всех сферах общества), а какие являются вторичными, несущественными.

Конечно, нужно учитывать, что теория общественных формаций как продукт советской науки – изобретение преимущественно идеологическое. Впрочем, стоит отметить, что многие пришедшие на смену марксистскому истмату и заимствованные из зарубежной науки политологические (вроде концепций демократического транзита, «конца истории», теорий политической модернизации и т.п.) и экономические концепции (современная экономическая теория с ее «человеком экономическим») выполняли все ту же идеологическую роль, только в пользу противников марксизма и вообще «левой» картины мира. Перед исследователями советского периода зачастую стояла задача «подгонять» факты под определенные теоретические клише. Тем не менее мы не согласны с радикальным призывом отбросить всю советскую общественную науку как несостоятельную. За идеологической официальной ширмой скрывались весьма интересные и живые теоретические дискуссии, а сама теория общественных формаций, как мы увидим, зачастую не столько оправдывала существующий строй, сколько постепенно готовила теоретическую почву для «подрыва» самого идеологического над ней диктата. Цель настоящего исследования – определить, насколько те «забытые» теоретические наработки современны, что из них сохранило эвристический потенциал применительно к изучению современности.

NB! Относительно скептического взгляда на научный статус теории общественных формаций можно привести цитату Ю.И. Сёменова:

«В России до революции и за рубежом и раньше и сейчас материалистическое понимание истории подвергалось критике. В СССР такая критика началась где-то... с 1989 г. и приобрела обвальный характер после августа 1991 г. Собственно, назвать все это критикой можно лишь с большой натяжкой. Это было настоящее гонение. И расправляться с историческим материализмом стали теми же самыми способами, какими его раньше защищали. Историкам в советские времена говорили: кто против материалистического понимания истории, тот не советский человек. Аргументация “демократов” была не менее проста: в советские времена существовал ГУЛАГ, значит, исторический материализм ложен от начала и до конца. Материалистическое понимание истории, как правило, не опровергали. Просто как о само собой разумеющемся говорили о его полнейшей научной несостоятельности. А те немногие, которые все же пытались его опровергать, действовали по отлаженной схеме: приписав историческому материализму заведомый вздор, доказывали, что это вздор, и торжествовали победу.

Развернувшееся после августа 1991 г. наступление на материалистическое понимание истории было встречено многими историками с сочувствием. Некоторые из них даже активно включились в борьбу. Одна из причин неприязни немалого числа специалистов к историческому материализму состояла в том, что он навязывался им ранее в принудительном порядке. Это с неизбежностью порождало чувство протеста. Другая причина заключалась в том, что марксизм, став господствующей идеологией и средством оправдания существующих в нашей стране «социалистических» (в действительности же ничего общего с социализмом не имеющих) порядков, переродился: из стройной системы научных взглядов превратился в набор штампованных фраз, используемых в качестве заклинаний и лозунгов. Настоящий марксизм был замещен видимостью марксизма – псевдомарксизмом. <...> При этом не только превращались в мертвые схемы действительные положения материалистического понимания истории, но и выдавались за непреложные марксистские истины такие тезисы, которые никак не вытекали из исторического материализма. <...> Исторический материализм рассматривался как такой метод, который позволяет еще до начала исследования того или иного общества установить, что будет найдено в нем исследователем. Большую глупость придумать было трудно. В действительности материалистическое понимание истории не предваряет результаты исследования, оно лишь указывает, как нужно искать, чтобы понять сущность того или иного конкретного общества. Однако неверно было бы полагать, что для обратного превращения исторического материализма из шаблона, под который подгоняли факты, каким он у нас долгое время был, в подлинный метод исторического исследования достаточно вернуться к истокам, восстановить в правах все то, что когда-то было создано К. Марксом и Ф. Энгельсом. Материалистическое понимание истории нуждается в серьезном обновлении, которое предполагает не только внесение новых положений, которых не было у его основоположников, но и отказ от целого ряда их тезисов» (Сёменов 1998: 195-196).

Согласно нашей гипотезе актуальность марксизма, и в частности теории общественных формаций, растет – достаточно вспомнить современные дискуссии о движении человечества к посткапиталистической общественной формации (Srnicek, Williams 2015; Мейсон 2016; Бузгалин 2018 и др.). При этом стоит отметить, что здесь теория общественных формаций рассматривается как своего рода «аналитическая подпорка», теоретический инструмент *в рамках* материалистического понимания истории. Выделение по тому или иному критерию этапов развития общества позволяет выявлять и наглядно представлять механизмы воздействия экономического «базиса» на все остальные, «надстроечные», сферы общества. Это не означает, что общественные формации – нечто «объективно» существующее. Скорее, общественные формации – продукт своеобразного абстрагирования, «логического упорядочивания» исследователем исторического процесса. Не исключено, что от результатов данного «упорядочивания» зависит успешность

применения материалистического подхода к изучению глобальных политических, экономических и иных трансформаций современных обществ. Задача исследователя здесь – выявление *наиболее значимых* базисных (или, условно говоря, «фундаментальных абстрактных», позволяющих двигаться по пути к конкретному) факторов, влияющих на трансформацию общества и делящих историю на периоды (формации), в которых эти факторы наиболее действенны (влияют на все сферы общества и соответствующим образом выстраивают «социальную тотальность»). Разумеется, само материалистическое понимание истории необходимо рассматривать как *один из* возможных инструментов познания общества, не исключая остальные (нацеленные на выявление культурных детерминант, описание своеобразия отдельных обществ и т.п.) и ориентированный на рассмотрение общества в определенном срезе, с помощью специфической «материалистической» методологической оптики.

Проблема заключается в том, что сегодня исследователи-марксисты признают саму парадигму материалистического понимания истории, идею смены общественных формаций и способов производства, стадийного развития человечества, но теоретические разработки в области самой теории общественных формаций остаются довольно редкими. Более того, консенсус относительно критериев выделения общественных формаций так и не был достигнут. Теория общественных формаций в целом серьезно обесценилась в академическом сообществе, особенно после того как вместо предсказываемого ею перехода к коммунизму случилась реставрация капитализма. Стоит отметить, что многие современные исследователи утверждают, что никаких ошибок в основных положениях теории общественных формаций не было. Проблема якобы заключается в том, что изначальный посыл Маркса и Энгельса был искажен. Коммунизм стали строить в условиях недостаточно развитых производительных сил в отдельной стране, окруженной врагами и т.п. Иными словами, речь должна идти о том, что необходимо дождаться соответствующего развития производительных сил (дискурс об автоматизации и роботизации производства) – и уже тогда можно вновь поставить вопрос о возобновлении целенаправленного движения к социализму/коммунизму. В конце концов, и капиталистическое общество возникло не сразу, происходили постоянные «откаты назад»¹.

В настоящей статье мы попытаемся показать, что ошибки все же были. Причем обусловлены они как раз отсутствием консенсуса относительно основного критерия выделения общественных формаций. В качестве такового пытались обозначить то преобладающие формы собственности, то

¹ А.В. Бугалин, А.И. Колганов: «...на базе технологий (и, прежде всего, содержания труда), характерных для прежней системы (ручной труд для докапиталистических систем, индустриальный – для капитализма), новая система (соответственно, капитализм или социализм) может возникнуть, а может и не возникнуть. Революционный порыв может привести к победе, а может – к поражению. В случае победы начнется развитие новой системы на еще не адекватном для нее технологическом базисе, возникнет феномен, который я бы назвал “опережающей мутацией”. Это ситуация, когда общественные отношения несколько “забегают вперед” по отношению к материальному базису, содержанию труда» (Бугалин 2008).

исторические типы техники, то специфику производственных отношений. Все это попутно приводило к ряду трудностей, которые так и не были преодолены (не разрешены они и в современном марксизме). Наша цель – не только раскрыть те проблемы, которые имелись в теории общественных формаций, но также предложить новый принцип выделения исторических этапов развития человечества, опираясь на который можно было бы с иных позиций взглянуть на существующие представления о пределах капитализма и перспективах посткапиталистического (постклассового) общества.

Теория общественных формаций и ее «фатальные» ошибки. В общем и целом теоретический посыл, лежащий в основе материалистического понимания истории и теории общественных формаций, ясен. Он подразумевает, что существуют очень серьезные ограничения, накладываемые на конкретную историческую «форму» общества уровнем развития производительных сил. Этот посыл может иметь следующую формулировку: «Развитие экономики (понимаемой в самом широком смысле как производство и воспроизводство социального бытия), связанное с преобразующим характером предметной деятельности, ведет к развитию производительных сил, что на определенном этапе неизбежно вызывает необходимость изменения и производственных отношений. Но в силу того, что существующие производственные отношения закрепляются в регулятивных нормах надстройки, в какой-то момент надстройка перестает соответствовать уровню производства и становится тормозом развития общества. Нарождающийся новый базис в структурах еще существующей прежней общественной формы требует совершенно новых регулятивных механизмов (форм государства, права, морали), но этому препятствует старая надстройка, функции которой выполняют прежние господствующие классы. <...> Изменения, характеризующие прежде всего отношения производства, рано или поздно вступают в противоречие с устоявшимися социальными структурами, сформировавшимися на основе прежних форм производства; это создает условие для революции: новые формы производства и детерминированные ими отношения больше не могут уживаться со старыми формами государства и права» (Кондрашов 2014: 150-151). Такова в целом картина развития общества: одни способы производства приходят на смену другим, что влечет за собой закономерную ротацию надстроек. Погружаясь в конкретный контекст, мы можем опираться на эту идею, говоря об историчности тех или иных общественных структур, идеологий, представлений о человеке и т.д. Для этого и не нужен какой-то четкий универсальный критерий выделения общественных формаций. Маркс, говоря об общественных формациях, не создает никакой *теории* общественных формаций. Нужно помнить, что сам концепт «формация» в трудах Маркса и Энгельса являлся скорее метафорой. Для них главным было показать, что капитализм историчен, что он является всего-навсего определенным этапом развития человечества, на смену которому должно прийти что-то новое.

Поэтому необходимо иметь в виду, что теория (то есть нечто завершенное и развернутое) общественных формаций¹ является скорее результатом изысканий советских ученых-обществоведов, нежели масштабным явлением мировой науки². В трудах классиков марксизма мы найдем лишь очень редкие разрозненные фрагменты (к примеру, в «Немецкой идеологии» (Маркс, Энгельс 1955), в предисловии «К критике политической экономии» (Маркс 1959), в третьем наброске ответа на письмо В.И. Засулич (Маркс 1961) и др.), в которых тема исторического развития затрагивается максимально кратко, причем один фрагмент зачастую противоречит другому. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс рассматривают племенную, античную, феодальную, буржуазную *формы собственности* (заметим, форма собственности – это отнюдь не то же самое, что способ производства). В предисловии «К критике политической экономии» Маркс выделяет уже азиатский, античный, феодальный и буржуазный *способы производства* как «прогрессивные эпохи экономической общественной формации» (Маркс 1959: 7). В третьем наброске ответа на письмо В.И. Засулич Маркс говорит о трех больших *общественных формациях* – первичной, вторичной и третичной (Маркс 1961). В «Капитале» и вовсе применяется неупорядоченный набор терминов, употребляющихся в разных значениях: «общественная формация», «общественно-экономическая формация», «формация общественного производства», «экономическая формация» (см.: Маркс 1960; 1962)³. Следует отметить, что для Маркса понятие «формация» во многом является попросту метафорой, взятой из геологии. При этом во втором томе «Капитала» термин «формация» не упоминается вообще, а в третьем томе мы только в нескольких местах находим термины «общественная формация» и «экономическая формация общества» (например: «...с точки зрения более высокой экономической формации общества частная собственность отдельных индивидуумов на земной шар будет представляться не в меньшей степени нелепой, чем частная собственность одного человека на другого человека» (Маркс 1962: 337)).

¹ Общественная формация (*Gesellschafts formation*) – исторически сложившийся на основе определенного способа производства и соответствующей ему надстройки тип общества, характеризующийся определенными технологиями и техническими средствами, социальной структурой, механизмами производства, распределения и потребления, господством той или иной формы собственности, теми или иными формами духовного освоения мира. Иными словами, под общественной формацией понимают определенную систему социальных явлений и отношений, внутренне связанных друг с другом и зависимых друг от друга, организм, материальной основой которого является способ производства.

² Отмечая это, мы вовсе не желаем принизить вклад зарубежных исследователей-марксистов в исторический материализм как таковой (см., например: Амбарцумов 1984; Андерсон 2007; Андерсон 2010 и др.). Речь идет о том, что теория общественных формаций как нечто системно (можно даже сказать – институционально) развивающееся является достоянием советской (и внешне примыкающей к ней) общественной науки.

³ Маркс часто вместо слова *формация* употребляет термины *ступень, форма*. Например, в первом томе «Капитала» Маркс говорит о «более высокой общественной форме, основным принципом которой является полное и свободное развитие каждого индивидуума» (Маркс 1960: 605).

Сама по себе теория общественных формаций является, по сути, следствием творческой переработки того, что писали Маркс и Энгельс в своих сочинениях. Это было результатом систематического применения принципов материализма к изучению истории и анализу глобальных общественно-политических тенденций. И если Маркс и Энгельс обращались к термину «формация» довольно редко, то в Советском Союзе теория общественных формаций превращается в целую отрасль обществоведческих исследований. Думается, многочисленные дискуссии об общественных формациях свидетельствуют о довольно благородном побуждении – познать «логику» исторического развития (Вазюлин 2019), не просто «скользить» по поверхности общественных явлений, но усматривать в *человеческой истории закономерный глобальный процесс*, которым можно в соответствии с познанной необходимостью пытаться управлять (или, по крайней мере, выстраивать долгосрочные прогнозы, осознавать необходимость тех или иных перемен). В то время как на Западе продолжали приветствовать в капиталистической экономике очищенную от традиции «правильную» на все времена систему с ее вечно молодым «человеком экономическим» (что тоже есть форма теоретического догматизма) или разрабатывали «социологические» концепции стадийного развития (например, теории постиндустриального/информационного общества), в Советском Союзе велись острые дебаты об универсальности механизмов смены общественных формаций, о пресловутой непогрешимости «европоцентричной» пятичленной системы (например, имела ли место «азиатская» формация (см.: Качановский 1971)), о количестве реально существовавших общественных формаций и т.п.

Конечно, партийный идеологический диктат негативно сказался на способности теории общественных формаций творчески развиваться. Часто дискуссии об общественных формациях превращались в догматические «подгонки» фактов под канонизированную «пятичленку»¹. Некоторые проблемы теории общественных формаций были обусловлены незрелостью реальных предпосылок разложения капиталистической системы и развития посткапиталистических общественных отношений. Часто научные выводы и прогнозы «редактировались» идеологическими лозунгами. *Основной же проблемой, как мы полагаем, являлось так и не найденное рациональное реше-*

¹ Это также видно по тому, как многие авторы, в советские времена придерживавшиеся «канона», в 90-е и нулевые годы радикально или существенно меняли свои взгляды (например, Т.И. Ойзерман и многие другие). Ср.: «Великая Октябрьская социалистическая революция, – говорится в Программе КПСС, – открыла новую эру в истории человечества – эру крушения капитализма и утверждения коммунизма. Социализм восторжествовал в Стране Советов, одержал решающие победы в странах народной демократии, стал практическим делом сотен миллионов людей, знаменем революционного движения рабочего класса всего мира». В наше время, когда социализм победил на значительной части земли и доказал свое превосходство над капитализмом, враги марксизма уже не могут третировать научный социализм как беспочвенную, несбыточную утопию» (Ойзерман 1961: 17); «Нельзя, конечно, согласиться с этим определением ревизионизма, который представляет собой не политиканство, приспособляющееся “к поворотам политических мелочей”, а вполне определенную, последовательную политику и также вполне оправданную критическую позицию относительно основ марксизма» (Ойзерман 2003: 439).

ние вопроса о том, какой принцип должен лежать в основе выделения общественных формаций. В итоге за основу зачастую брались вторичные параметры, которые не могут достоверно указывать на то, что мы, как в случае с СССР, имеем дело с принципиально новым этапом общественного развития. Среди наиболее часто встречающихся критериев мы выделим следующие: *преобладающие формы собственности, исторические типы техники, а также специфику производственных отношений.*

Преобладающая форма собственности («правовая форма собственности»). Заранее отметим, что определение общественных формаций по преобладающей форме собственности не означает, что из рассмотрения исключаются все остальные моменты исторического процесса (эволюция средств производства, производственные отношения и т.п.). Скорее, здесь имеет место стремление к классификационной наглядности: становлению той или иной формы собственности соответствуют определенные производственные отношения и порождающие их производительные силы («каковы формы собственности, таковы и производственные отношения» (Кабаяев 1961: 33)).

Как было отмечено выше, Маркс и Энгельс делили историю развития человечества на этапы исходя из тех или иных преобладающих форм собственности (в «Немецкой идеологии»¹, «Экономических рукописях 1857–1859 годов»). В итоге зачастую понятия «форма собственности» и «общественная формация» оказывались тождественными. К примеру, в книге «К теории общественных формаций» Ф. Тёкеи идет речь об эволюции форм собственности. Он рассматривает эволюцию докапиталистических общественных формаций как постепенное разложение общины и становление частного землевладения. При этом азиатская, античная и германская (феодалная) формы собственности являются этапами данного длительного процесса. По мнению Тёкеи, при первой форме «естественно возникшая община есть субстанция, где индивиды представляют собой лишь ее атрибуты, при второй форме община есть такое общее, которое, даже отделенное от индивидов, может обладать самостоятельным существованием, и, наконец, в третьей форме община есть лишь придаток по отношению к индивидам. Рассматривая развитие в целом, не трудно обнаружить, по существу, те же три фазы: в докапиталистических формах все индивиды – пусть это землевладелец или работающий частный собственник – являются непосредственными членами общины, неотделимы от нее, при капиталистической форме подлинная “общность” обособлена и отчуждена от индивида, противостоит ему как нечто овеществленное, и, наконец, при коммунизме индивиды сами являются творцами общности, которая им принадлежит и ни в коем случае не может им противостоять» (Тёкеи 1975: 166).

¹ Хотя еще раньше, в «Экономическо-философских рукописях», мы находим следующее: «Именно то обстоятельство, что *разделение труда и обмен* суть формы частной собственности, как раз и служит доказательством как того, что *человеческая жизнь* нуждалась для своего осуществления в *частной собственности*, так, с другой стороны, и того, что теперь она нуждается в упразднении частной собственности» (Маркс 1956: 615).

Однако проблема данного подхода заключается в том, что на второй план отодвигаются более существенные аспекты способа производства. Как отмечает В.Ж. Келле в послесловии к книге Тёкеи, возникает вопрос: чем же определяется внутренняя логика исторического процесса? «Ф. Тёкеи пытается дать ответ на этот вопрос с помощью своих формул-схем, изображающих основные формы собственности. Действительно, ему удается показать, что в смене форм собственности от племенной до коммунистической отражается внутренняя логика всемирно-исторического процесса. Но автор все-таки не акцентирует внимание на том главном обстоятельстве, что сама эта логика развития форм собственности “задается” развитием производительных сил, и прежде всего орудий труда» (Келле 1975: 265).

Более того, как только в поле зрения разработчиков теории общественных формаций начали чаще попадать неевропейские страны, выяснилось, что рассмотренная выше эволюция форм собственности им совершенно не соответствует. Очевидно, в зависимости от каких-то обстоятельств, внешних для самого *технического ядра* способа производства (например, войны, позволявшие завозить в массовом порядке рабов), *существовавшие* формы эксплуатации и собственности попросту сменяли друг друга в качестве преобладающих. Иными словами, *появились причины отнести процессы смены форм собственности скорее к «надстроечным», нежели к «базисным»*. По крайней мере, подчеркивалось, что *смена преобладающей формы собственности еще не означает одновременной трансформации сущности способа производства*. Как отмечает В.П. Илюшечкин, «метод выведения антагонистических классов из господствующих форм частнособственнической эксплуатации, восходящий к историко-социологической концепции А. Сен-Симона и его последователей, явно не срабатывает на современном уровне знаний о системе добуржуазной частнособственнической эксплуатации, поскольку оказывается, что ее господствующих форм было не две, как считалось некогда, а четыре (рабство, крепостничество, докapiталистическая аренда и колонат) и что сменяли они одна другую – там, где такая смена происходила, – в самой различной последовательности» (Илюшечкин 1996: 256). В.П. Илюшечкин обнаружил, что не существовало никакого рабовладельческого и феодального способов производства. И так называемые рабовладельческие, и феодальные общества «базируются на природно-обусловленной, натуральной системе производительных сил, для которой были характерны: основанное на ручном труде и очень несложной инструментальной технике рутинное сельское хозяйство в качестве основного занятия подавляющего большинства массы населения, преобладание живого труда над овеществленным в средствах производства, недостаточное развитие товарно-денежных отношений, преобладание обмена между обществом и природой над обменом в обществе, естественного разделения труда по полу и возрасту в производственных ячейках над общественным разделением труда, абсолютное господство таких форм организации труда, которые исключали его кооперацию и комбинирование, преимущественно натуральное и полунатуральное производство, рассчитанное прежде всего на удовлетворение собственных потребностей производителей, и т.д.»

(Илюшечкин 1996: 196). Феодализм – это, как показывает Илюшечкин, *явление политико-правовое*, в то время как «широкое распространение рабства в отдельных странах древнего мира являлось не правилом, а исключением и было обусловлено не какой-либо общеисторической закономерностью, но лишь стечением особо благоприятных для этого обстоятельств» (Илюшечкин 1996: 221). Фактически в сословно-классовых обществах лишь менялись количественные соотношения в распространенности тех или иных форм эксплуатации (рабская, оброчная, крепостническая, арендаторская и наемный труд).

Примечательно, что из этого вытекает следующее: *осуществленный большевиками государственный переворот, повлекший за собой смену преобладающей формы собственности, не означал переход общества в качественно новое состояние, то есть переход к новой общественной формации*. Данное положение объясняет все известные антиномии СССР, и в частности тот факт, что под коммунистическим идеологическим соусом существовала громоздкая система эксплуатации труда совокупным эксплуататором в лице государства. *Юридический статус эксплуататора несколько изменился, но суть производственных отношений поменялась мало* (см., например: Кржевов 2018). М.И. Воейков справедливо отмечает, что многими чертами советское общество больше напоминало буржуазное, чем социалистическое: «под буржуазностью в данном случае понимается стремление человека (или группы людей, слоя, класса) в своей повседневной и прежде всего хозяйственной деятельности следовать правилам рационального экономического поведения. Буржуазность – это скрупулезное соизмерение затрат и результатов труда, бережливость, экономичность, говоря по-старому, хозрасчет, экономическая рациональность, возведенная в высший принцип существования, в религию» (Воейков 2015: 134).

Исторические типы техники. Другой подход – выделять общественные формации в соответствии с историческими типами техники. Думается, этот подход уже ближе к истине, ведь именно техника определяет саму суть производственного процесса, служащего основанием для экономического уклада. Маркс пишет, что «экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд» (Маркс 1960: 191). Соответственно нередко преобладающие формы собственности исследователи связывают с тем или иным уровнем развития техники и технологий. К примеру, так поступает В.А. Вазюлин, характеризуя разницу между рабовладельческой и феодальной общественными формациями следующим образом: «...рабовладельческие отношения возникли и развились при преобладающем применении каменных и деревянных ручных орудий труда в земледелии и скотоводстве. Господство крупной *частной собственности на землю* уже неизбежно предполагает широкое применение железных орудий в земледелии. Только при преобладании в земледелии железных орудий труда, т.е. орудий, с необходимостью предполагающих предварительную обработку, становятся возможными преодоление

господства в земледелии естественно возникшего отношения к земле и установление господства частной собственности на землю» (Вазюлин 2019: 280). Зрелому же капитализму соответствует, по мнению историка, техническая база крупного производства: «...механическое, непрерывное, правильное движение частей рабочей машины коренным образом отличается от функционирования двигательной силы человека и животных, а также от нерегулярной механической силы воды и ветра, если они непосредственно применяются для приведения в движение машин» (Вазюлин 2019: 311).

Однако можно заметить, что и такой подход имеет свои существенные недостатки. *Прежде всего, очень трудно выделять количественный и качественный аспекты развития техники (и технологий). Качественных исторических типов техники можно указать бесконечное множество.* Например, в капиталистическую эпоху технологических укладов сменилось уже довольно много, но суть производственных отношений (сами базовые основы капиталистической системы) от этого изменилась мало.

Еще одна связанная с технико-технологической исследовательской оптикой проблема – попытки ассоциировать наступление коммунистической общественной формации с некоторым уровнем научно-технического развития, который при минимальном приложении совокупного общественного труда позволял бы обеспечивать изобилие материальных благ. Эти попытки приводили к постоянным завышенным оценкам научно-технических возможностей эпохи. Так, уже классики марксизма утверждали (при этом часто вступая в противоречие с другими своими тезисами), что в их время уже все готово для построения социализма. Энгельс пишет в «Анти-Дюринге»: «Возможность обеспечить всем членам общества путем общественного производства не только вполне достаточные и с каждым днем все улучшающиеся материальные условия существования, но также полное свободное развитие и применение их физических и духовных способностей, – эта возможность достигнута теперь впервые, но теперь она действительно достигнута» (Энгельс 1961: 294). В СССР в официальной пропаганде отмечались грандиозные достижения науки и техники, приближающие настоящий коммунизм¹. Разумеется, никакого реального приближения коммунизма при этом не было.

Специфика производственных отношений. Наконец, с точки зрения идеологии было выгодно делать упор на специфику производственных отношений. В конце концов, на официальном уровне можно было утверждать,

¹ Пример: «...особенно больших успехов добился Советский Союз. Когда-то царская Россия в экономическом отношении далеко отставала от других капиталистических стран. А теперь наша страна занимает второе место в мире по уровню промышленного производства после Соединенных Штатов Америки. В ближайшие годы трудящиеся СССР будут иметь самый короткий в мире рабочий день и рабочую неделю. С октября 1960 года началась постепенная отмена налогов с рабочих и служащих. К концу семилетки взимание налогов прекратится окончательно. Советская наука в ряде отраслей заняла ведущее место в мире. Достаточно напомнить о запуске искусственных спутников Земли и космических кораблей, которые готовят полет человека в космос. Это ли не поразительные достижения социализма, не доказательства его превосходства над капитализмом!» (Кабаев 1961: 4).

что в стране отсутствует эксплуатация человека человеком, все средства производства принадлежат государству (трудящемуся народу) и т.п. Как отмечают авторы коллективной монографии «Марксистско-ленинская теория исторического процесса» (1983), «ограничивать исследование материальной основы исторического процесса производственной техникой – значит заведомо ставить преграду для выяснения различий докапиталистических способов производства. С таких позиций нельзя, например, провести принципиальную черту между социализмом и современным капитализмом. Не всегда учитывается также и то, что производительные силы необходимо рассматривать в диалектической взаимосвязи с производственными отношениями, ибо две стороны общественного способа производства всегда функционируют в неразрывном единстве и не могут характеризоваться одна без другой» (Плетников 1983: 360).

Данный тезис вполне закономерен, поскольку нужно было как-то оправдывать сосуществование «реального социализма» и капитализма примерно на одном научно-техническом уровне развития. При этом было принято рассматривать производительные силы в диалектике с производственными отношениями¹, будто бы плановая экономика и государственная собственность на средства производства принципиально меняют саму общественную формацию (саму суть производственных отношений со всеми вытекающими следствиями). Однако фактически при подобном подходе предлагается рассматривать в качестве главенствующего *политический* фактор, словно преимущественно *политическими* актами можно преобразовать производственные отношения и тем самым изменить общественную формацию. В данном случае мы рискуем выдать желаемое за действительное. Так было в СССР: всецело провозглашалось, что созданные большевиками новые институты управления экономикой – это и есть производственные отношения коммунистической общественной формации (пусть даже ее первой «стадии»). Между тем реальная новизна свелась лишь к появлению одного огромного эксплуататора. Сущность производственных отношений в СССР мало чем отличалась от таковой в США или Европе: имели место эксплуатация труда, денежные отношения, экономическая конкуренция между отдельными производственными единицами и т.п.

¹ Такую аргументацию можно встретить и сегодня. Так, Б.Ф. Славин пишет: «...для подлинного марксистского понимания реальной ситуации здесь нужна не формальная, а диалектическая логика, не технологический детерминизм... и вытекающий из него автоматизм смены общественных отношений, а признание детерминизма общественных отношений и человека по отношению к технике» (Славин 2019: 240). И далее: «...что же, с моей точки зрения, обуславливало “рабочий”, а в перспективе социалистический характер советского государства? Прежде всего, государственная собственность на основные средства производства, с одной стороны, и сознательный или планомерный характер развития экономики и социальной сферы – с другой. Наряду с известными идеологическими и политическими причинами именно эти объективные факторы заложили социалистический вектор развития советского общества, обеспечивающий в первую очередь удовлетворение интересов рабочего класса и трудового крестьянства» (Славин 2019: 243).

Иными словами, ситуация оказывается весьма сложной: или никакие общественные формации как устойчивые, качественно определенные стадии развития общества выделить невозможно, или нужно искать другой критерий их выделения. Имеющиеся же критерии либо являются поверхностными (например, по преобладающей форме собственности), либо упираются в довольно сложную, преимущественно количественную, категорию уровня технологического развития. Ясно, что искать нужно в направлении, связанном с техникой и технологиями, но не ограничиваться ими. Никакие перевороты *только* в производственных отношениях не могут изменить тех жестких ограничений, которые налагают на человеческую свободу материальные условия «производства жизни». Но нам нужно найти более подходящий, качественный, критерий, который бы позволил представить целостную логику исторического процесса.

Преобладающий источник потребительных ценностей как критерий выделения общественных формаций. Основной тезис данной статьи заключается в том, что критерием выделения общественных формаций мог бы быть преобладающий источник потребительных ценностей¹. Под ним здесь подразумевается *преобладающий материальный фактор в процессе формирования полезных свойств тех или иных благ, удовлетворяющих человеческие потребности. Этот фактор определяет, какова роль в экономическом процессе непосредственных производителей, что в свою очередь обуславливает систему властных отношений и отношения эксплуатации и отчуждения.*

В целом можно выделить четыре основных преобладающих источников потребительных ценностей:

- 1) природные процессы;
- 2) контролируемые природные процессы;
- 3) труд;
- 4) творчество.

Источниками потребительных ценностей обуславливаются преобладающие формы производительной деятельности:

1. Присвоение – простое изъятие у природы материальных благ.

2. Регуляция природных процессов – преобразующая деятельность с целью извлечения благ, «созидаемых» преимущественно природой (хотя здесь речь идет уже о том, что обусловлено трудом²). Человек вы-

¹ Речь идет о Марксовом *Gebrauchswert*, изначально переводившемся как «потребительная стоимость». Многие исследователи считают, что *Gebrauchswert* желательно переводить как «потребительная ценность», поскольку это избавляет данное понятие от чисто рыночных коннотаций. «Свойством полезности, – пишет П.Н. Кондрашов, – обладают все явления (как естественные, природные, так и искусственные), имеющие значимость для человека. Наличие этого свойства не зависит от формы общественного производства, ибо продукты природы и труда имеют полезность, или потребительную ценность, и в первобытном, и в рабовладельческом, и в феодальном, и в капиталистическом обществах» (Кондрашов 2016: 2010).

² К примеру, люди уже не просто убивают животных, но преобразуют окружающую среду так, чтобы животные приносили больше благ: приручают их, строят загоны, способствуют их разведению, проводят селекцию и т.п.

ступает главным образом в роли активного регулировщика природных процессов.

3. Трудовая деятельность – действия по активному материальному преобразованию самого природного мира, приносящие экономическую пользу. При этом потребительная ценность тех или иных благ определяется уже не столько природными процессами, сколько самим трудом.

4. Творческая деятельность – нематериальные по своей сути действия (подразумевающие внутреннюю, духовную деятельность, что не исключает ее направленность на материальные объекты), нацеленные на создание идей, концепций, теорий, знаний и т.п., на решение социальных (воспитательных, образовательных и т.п.) или производственных задач.

NB! Категории «труд» и «творчество» в данной схеме не тождественны (хотя принято говорить об интеллектуальном, творческом труде и т.п.). Труд здесь – это совокупность измеримых физических операций, материальное преобразование мира. Напротив, творчество не связано напрямую с физической, телесно-материальной деятельностью, оно «происходит» в области идеального, в сознании. Соответственно и продукты творческой деятельности (идеи, концепции, новые подходы) не материальны (скорее, направлены на материальное), их нельзя точно подсчитать или присвоить – они могут быть только засекречены, или же некоторые обусловленные ими экономические блага могут присваиваться кем-либо в силу рентных отношений (патенты и т.п.).

Мы также признаем, что человеческий труд всегда прикладывается к природе (в том или ином формате работы и среды), он в любую историческую эпоху неотделим от творчества. Речь идет, во-первых, о *преобладающих* в те или иные эпохи источниках потребительных ценностей. Во-вторых, в любом благе также можно найти *основной* источник его полезных свойств. Если растущая в лесу земляника совершенно не требует приложения труда, чтобы «появиться», то искусственная земляника, елочная игрушка например, – это уже в большей степени результат труда, сочетания сложных координированных действий по активному материальному преобразованию исходного «природного» материала. Другой пример: стоимость современного смартфона лишь отчасти обусловлена трудом и природными ресурсами, затраченными на его производство. Два требующих примерно одинаковых затрат человеческого труда и материальных ресурсов смартфона могут отличаться по своим полезным свойствам и, следовательно, по стоимости в десятки и сотни раз. Эта разница обусловлена преобладанием творчества как источника потребительных ценностей.

Рассмотрим сам *механизм влияния преобладающих источников потребительных ценностей* на общественные отношения в целом. Попутно попытаемся заново «определить» общественные формации.

Природные процессы. Если основным источником потребительных ценностей являются природные процессы¹, то речь должна идти об обществе охотников и собирателей. Труд в таком обществе неразвит. Возможности появления материальных излишков несущественны. Соответственно указанные обстоятельства способствуют «первобытному коммунизму» и кочевому образу жизни.

Общественную формацию, порожденную данным основным источником потребительных ценностей, можно обозначить как доклассовую.

Контролируемые природные процессы. Регуляция природных процессов способствует развитию общества сельскохозяйственных производителей и добытчиков ресурсов (речь идет о большей части населения). Труд играет вторичную роль, ибо, скорее, *создает благоприятные условия для природного «возникновения» экономических благ или организованно извлекает их*². Но при этом возникает ограничение возможностей присвоения излишков, что приводит к формированию государства и антагонистических общественных отношений (рабовладение, вассально-ленные отношения и т.п.). Для данного общества *характерен экстенсивный характер экономического развития; это оборачивается уменьшением производительности труда по мере освоения новых земель (более труднодоступные и менее плодородные земли, по Д. Рикардо) и создает постоянный риск «перепроизводства» рабочей силы при уменьшающихся экономических возможностях («мальтузианская ловушка»)*. Масса непосредственных производителей не имеет почти никакого политического значения, так как *положение господствующих социальных слоев обусловлено вовсе не эксплуатацией труда (который всегда находится в «излишке»), а насильственным захватом более богатых земель*. Подобное положение дел ведет к затяжному технологическому «застою», ибо при природорегулирующем способе экономической деятельности развитие рабочей силы, побочным следствием чего является личностное развитие (путем получения образования и т.п.), нецелесообразно.

Общественную формацию, основывающуюся на регуляции природных процессов, можно обозначить как *сословно-классовую* с учетом свойственной данной формации специфики общественных отношений, прекрасно охарактеризованных В.П. Илюшечкиным (Илюшечкин 1996).

¹ Так, можно рассматривать охоту на мамонта как довольно большой труд: нужно сделать копья, организовать в коллектив охотников, выследить, убить мамонта, разделить его мясо и т.п. Однако все равно подавляющую часть «работы» делает природа: этот мамонт сначала был зачат, потом родился, долгие годы ходил и набирал вес (не говоря уже о миллионах лет эволюции и появления самого вида «мамонт»), потреблял ресурсы природы, рос и т.п.

² Здесь наша схема пересекается с концепцией исторических типов техники В.П. Илюшечкина: «Система производительных сил, фиксируемая вторым историческим типом техники и свойственная сословно-классовой стадии развития общества, тоже была природообусловленной, натуральной в своей основе, поскольку господствующее положение в ней занимали такие естественные средства и условия производства, как работники производства, обрабатываемая земля и домашний скот. Однако она представляла собою качественно гораздо более высокую ступень, чем предшествовавшая ей, поскольку являлась основой производящего хозяйства» (Илюшечкин 1996: 206).

Труд¹. Труд как преобладающий источник потребительных ценностей подразумевает, что уже сама трудовая деятельность² преимущественно создает экономические блага («природная» сторона постепенно уходит на второй план). Роль творчества в экономической деятельности становится более значимой, но все же оно играет второстепенную роль. Для общества, в котором труд является преобладающей формой деятельности, характерен интенсивный характер экономического развития: по мере экономического роста производительность труда повышается, ибо производство сводится к все более сложной обработке «природного» материала.

Старые общественные антагонистические отношения сменяются новыми – классовыми (опустим здесь конкретику отношений эксплуатации наемного труда, которые и так хорошо описаны классиками). Перепроизводство рабочей силы отчасти сохраняется, *однако само по себе создание совокупного общественного богатства ставится в прямую зависимость от качества труда как ключевой производительной силы*. Это порождает потребность в большей мобильности «армии труда» (уничтожение крепостного права, ликвидация рабства), в ее постепенной оптимизации (распространение систем массового образования, институтов трудовой социализации, появление институтов социальной политики государства и т.п.). Совершенствование труда производится не только путем развития трудовых навыков, но и посредством все большей интеграции труда с технологической средой (и активного развития последней). А поэтому огромную роль начинает играть конкурентная борьба за развитие технологий применения и эксплуатации труда и повышение его *производительности*.

Поскольку роль труда становится преобладающей, растет и «политический вес» эксплуатируемого класса трудящихся, возникает феномен «массовой демократии» (при всех ее изъянах, хорошо известных любому марксисту).

При этом важно отметить, что разные (второстепенные, не затрагивающие *глубинной сути* производственных отношений) исторические обстоятельства, например результаты борьбы антагонистических классов, могут обуславливать различные политико-правовые оформления производственных отношений в рамках рассматриваемой общественной формации: (почти) «чистый» капитализм, смесь социализма и капитализма («шведский социализм», «интегральное общество» (Цаголов 2016) и т.п.), социализм – в зависимости от того, какая в данный момент тенденция побеждает – элитарная или эгалитарная, рыночная или государственническая³.

¹ Конечно, можно говорить о том, что и крестьяне в эпоху феодализма своим трудом «производили» пшеницу. Однако это будет, скорее, преувеличением, так как фактически крестьянин не производит пшеницу (по крайней мере, «от и до»), а в большей мере – создает условия для ее природного «возникновения».

² О нашем понимании труда см. примечание выше.

³ А потому наблюдается классовая борьба не рабочего класса с буржуазией, а рабочего класса с эксплуататорами наемного труда – буржуазией и государством (которое, надо признать, предстает то как самостоятельный эксплуататор, то как инструмент решения социального вопроса в пользу трудящихся).

NB! Материалистическое понимание истории не обязательно подразумевает строгую линейность развития. Общественная формация – это не строго зафиксированный набор параметров. С помощью материалистического понимания истории можно анализировать, условно говоря, «магистраль» развития общества, но эта «магистраль» может быть довольно широкой, – иметь множество «полос». Поэтому нам представляется вполне резонным и обоснованным «синтез» формационного и цивилизационного подходов к изучению истории (см., например: Шевченко 2016).

Главным последствием опоры на поверхностные или количественные по своей сути критерии выделения общественных формаций стал ошибочный, на наш взгляд, тезис, по которому исторический социализм являлся новой (посткапиталистической) общественной формацией. Но, согласно одному из основных принципов материалистического понимания истории, изложенному еще классиками марксизма, никакая новая общественная формация не складывается до тех пор, пока старая формация не создаст достаточные для того материальные предпосылки¹. Логично, что это подразумевает довольно долгий период, когда эти предпосылки еще не созданы, а стало быть, невозможно предсказать, какой будет следующая общественная формация. Однако идея социализма как альтернативы капитализму (именно как альтернативы ему, хотя сам «дух» социализма проявлял себя уже в раннехристианских общинах (Каутский 2013)) зародилась в позднем Ренессансе, то есть во времена складывания еще только *предпосылок* буржуазного общества. Иными словами, *капитализм и социализм выступают двумя сторонами одной медали*². Учтем, что «Утопия» Т. Мора написана в тот период, когда не было капиталистического обще-

¹ К. Маркс: «Историческое назначение капитала будет выполнено тогда, когда, с одной стороны, потребности будут развиты настолько, что сам прибавочный труд, труд за пределами абсолютно необходимого для жизни, станет всеобщей потребностью, проистекающей из самих индивидуальных потребностей людей, и когда, с другой стороны, всеобщее трудолюбие благодаря строгой дисциплине капитала, через которую прошли следовавшие друг за другом поколения, разовьется как всеобщее достояние нового поколения, – когда, наконец, это всеобщее трудолюбие, благодаря развитию производительных сил труда, постоянно подстегиваемых капиталом, одержимым беспредельной страстью к обогащению и действующим в таких условиях, в которых он только и может реализовать эту страсть, приведет к тому, что, с одной стороны, владение всеобщим богатством и сохранение его будут требовать от всего общества лишь сравнительно незначительного количества рабочего времени и что, с другой стороны, работающее общество будет по-научному относиться к процессу своего прогрессирующего воспроизводства, своего воспроизводства во все возрастающем изобилии» (Маркс 1968: 171).

² Здесь нужно еще отметить теорию единого индустриального общества Р. Арона, согласно которой капиталистическое и социалистические общества представляют собой две разновидности индустриального общества (их главными отличиями являются политические режимы и формы собственности на факторы производства) (см.: Aron 1962). Более того, можно также указать теорию конвергенции, в соответствии с которой капиталистический Запад и коммунистический Восток двигались по направлению друг к другу. Точкой их конвергенции должен был стать социализм (посредством социализации Запада и либерализации Востока) (см.: Sorokin 1960).

ства как такового, но уже сложились раннебуржуазные общественные отношения. В целом социалистическая альтернатива всегда «преследовала» капитализм и иногда его вытесняла (как это было/есть в СССР, КНР, КНДР, СРВ и многих других странах). Более того, сам капитализм никогда и не существовал в «чистом» виде (как абсолютно свободная от государства экономика чисто рыночных отношений и т.п.). К примеру, Английская революция совершалась как пробуржуазными, так и просоциалистическими силами, выступавшими за равенство, против частной собственности и т.п. (движение диггеров (Лавровский, Барг 1958)). Иными словами, в представленной здесь схеме исторические капитализм и социализм – *это не разные формации, а две разновидности политико-правовых оформлений производственных отношений в рамках одной и той же общественной формации*. Здесь стоит обратить внимание на то, что социализм (как идея) всегда был эгалитарным «отражением» капитализма, его как бы «моральным», «человечным» отрицанием, но отнюдь не преодолением (снятием). Поэтому не стоит это всегда остающееся обратной стороной медали «отрицание» путать с теми процессами, которые приведут к становлению новой общественной формации. Ротация данных политико-правовых «оформлений» производственных отношений не меняет сути преобладающего способа экономической деятельности, а потому ключевые противоречия обществ на данной стадии развития остаются в силе. Иными словами, капитализм и социализм, по крайней мере в своих исторически известных формах, не являются двумя разными общественными формациями, ибо основаны на одинаковом – трудовом – преобладающем источнике потребительных ценностей.

Общественную формацию, базирующуюся на трудовом преобладающем источнике потребительной деятельности, мы обозначим как *классовую*.

Творчество. Роль творчества в качестве источника потребительных ценностей еще не стала главной. Однако тенденция очевидна: постепенно труд утратит свое «центральное» место. При этом творчество как преобладающий источник потребительных ценностей приведет к формированию новых общественных отношений (Давыдов 2020). Роль классовой принадлежности и идентичности постепенно потеряет свою значимость (классовая стратификация сохранится еще на долгое время, но будет все больше обуславливаться факторами, зависящими от *творческих* способностей отдельных индивидуумов: обладание / необладание востребованными в «креативной» и высокотехнологичной экономике навыками и способностями и т.п.). При этом уже сегодня постепенно возникают основания для новой «антагонистической» социальной стратификации: общество начинает делиться на массу потребителей творческой деятельности (имперсоналиат) и небольшую прослойку выдающихся творческих деятелей – «захватчиков дискурса» (персоналиат) (Давыдов 2019).

NB! О чем-то подобном уже сравнительно давно писали Д. Белл и другие сторонники идеи постиндустриального общества. Белл, в частности, утверждал, что исторические капитализм и социализм

принадлежат единой стадии исторического развития (индустриальное общество¹). По сути, понятия «посткапитализм» и «постиндустриальное общество» у него синонимичны. Белл критиковал марксистскую идею пролетариата как субъекта перехода к посткапиталистическому обществу и отмечал, что такой переход осуществляется постепенно уже в рамках индустриального общества путем складывания нового «господствующего класса» – прослойки ученых и технических специалистов: «...сегодня, хотя собственность и остается важным базовым принципом, еще одним иногда конкурирующим с ней принципом становится техническое мастерство, доступ к которому обеспечивается образованием» (Белл 2004: 156). Соответственно рано или поздно наступит время, когда этот новый, меритократический, класс станет господствующим, а производство знания вытеснит по своей значимости производство материальных благ: «основной класс в нарождающемся обществе – это прежде всего класс профессионалов, владеющий знаниями, а не собственностью» (Белл 2004: 500). Думается, главная проблема теории Белла заключается в том, что он не видел разницы между трудом и творчеством. В его время говорить о какой-либо очевидной тенденции утверждения именно творчества как основного источника потребительных ценностей не приходилось. Технические специалисты, представители сферы услуг и т.п. являли собой лишь новое поколение наемных работников (конечно, творческий компонент труда подрос, но не стал преобладающим), а потому они легко встраивались в саму систему *трудовых* производственных отношений. *Творческий способ экономической деятельности преобладает лишь при крайне высокой степени автоматизации труда, в рамках которого даже труд «профессионалов», технических специалистов подвергается ускоряющемуся технологическому замещению*, что уже сегодня, как показывают эксперты, не выглядит фантастической идеей (см. например: Бриньолфсон, Макафи 2017).

Итак, творчество приходит на смену труду. При этом, как уже было указано выше, в контексте настоящего исследования целесообразно разделять понятия «труд» и «творчество». Труд – повторим вышесказанное – это совокупность материальных (физических) операций по преобразованию того

¹ Д. Белл: «Индустриальные общества – это *экономические общества*, организованные вокруг принципа функциональной эффективности, требующего получения “больших результатов из меньших вложений” и выбора наиболее “рационального” типа действий. В этих условиях решение использовать природный газ вместо угля в качестве топлива будет продиктовано сравнительными затратами, а решение о том, как следует распределить работу, будет зависеть от разумного сочетания имеющихся в распоряжении материалов и квалифицированных кадров. Идеология в данном случае становится неуместной, и на смену ей приходит экономика в виде производственных функций, расчета капитальных издержек, предельной эффективности капитала, линейного программирования и так далее. В этом смысле принципиальное различие между “буржуазной” и “социалистической” экономикой стирается; если кто-то интересуется вопросами оптимизации и максимизации, то здесь он вообще не найдет никаких различий» (Белл 2004: 100).

или иного предмета, которые можно *алгоритмизировать*. Труд, ввиду его «материально-телесной» основы, поддается формализации, он научно измерим и, как правило, предполагает ожидаемый результат (можно взять отдельного человека, за пару месяцев обучить его работать на станке, и он будет приносить точно измеримую пользу при фиксированном рабочем времени). *Творчество же (см. определение выше) по самой своей сущности «скрыто» (находится в области таинственного, внутреннего), непредсказуемо, является результатом стечения обстоятельств, неповторимой судьбы творца, погруженного непосредственно в культурно-историческую и технологическую среду.* Соответственно творчество не способно порождать прибавочную стоимость, ибо его вообще невозможно измерять количественно. Результаты творческой деятельности можно только «присваивать», ограничивая к ним доступ (извлекая «интеллектуальную ренту»), но по мере роста коммуникационных возможностей такие ограничения работают все хуже и все сильнее вступают в противоречие с дальнейшим развитием производительных сил. Творчество – это, наконец, процесс созидания, скорее даже «рождения», новых, нематериальных, благ: идей, решений, технологий, теорий, произведений искусства и т.п. Все это оказывается не чем-то легко присваиваемым, а, так сказать, летучим, легко обобществляемым, становящимся общественным достоянием. Творчество плохо совместимо с регламентациями, нормативами, рациональными расчетами, узкими бюрократическими рамками дозволенного, рекомендуемого и т.п.; это всегда выход за пределы устоявшегося. *Творчество порождает личность (как нечто социально-индивидуальное) и личностное, оно неразрывно связано с персоной, ее историей, ее достижениями и амбициозными стремлениями.* Личность все сильнее стремится заявить о себе, не подчиняться никакой дисциплине и безликой власти, желает стать *самой собой*.

При этом в творческой деятельности велико значение *удачи, случая*. Примечательно то, что это отнюдь не усиливает, как принято считать (см. например: Горц 2010; Бузгалин 2014; Колганов, Бузгалин 2014; Бузгалин 2017; Бузгалин, Колганов 2019), а *ослабляет экономическое значение отдельных, «среднестатистических» индивидуумов (их способность к ультимативному политическому действию)*, так как инвестиции в их личностное развитие перестают давать гарантированный результат: можно дать огромные деньги (или материальные ресурсы) человеку или группе лиц, но совершенно не факт, что они благодаря этим деньгам создадут литературный шедевр, полезное инженерное решение или гениальную научную теорию. Возникает потенциальная ситуация тотального «обесценивания» сущностных сил множества людей, низведения их до статуса «лишних» (о таких тенденциях говорят уже сегодня (см., например: Делягин 2019)). Кроме того, расширяется спектр возможных способов личностной деградации (компьютерные игры, новые виды наркотиков, непрерывный поток развлечений, ухудшающий способность к концентрации внимания и т.п.). Тем не менее рост материальных возможностей и увеличение доли общедоступных благ (производство «с нулевыми предельными издержками» и т.п. (Rifkin 2015)) вполне может привести к обострению антагонистической борьбы получивших не-

которую «экзистенциальную подушку безопасности», «низов» против «верхов» за превращение личностного развития каждого человека в дело всего общества (как самоцель – без расчета на непосредственную «точечную» отдачу «здесь и сейчас»). В перспективе, таким образом, не только тяжелый этап *межформационной социальной революции*, но и сложные поиски оптимальной политико-правовой конфигурации посткапиталистического (постклассового) общества.

Общественную формацию, основанную на творчестве как основном источнике потребительных ценностей мы обозначим как *постклассовую или персоналистскую (лат. persōna – личность¹)*.

Заключение. Сторонники теории общественных формаций так и не пришли к консенсусу относительно главного критерия, который должен лежать в основе выделения общественных формаций. Уже постепенно освобождавшаяся от идеологического диктата научная дискуссия прервалась реставрацией капитализма и своеобразной «идеологической контрреформацией», когда само материалистическое понимание истории оказалось вытесненным *цивилизационным подходом*. При этом разрешение затруднительной ситуации, казалось бы, уже назревало: 80-е годы породили довольно продуктивную дискуссию о необходимости пересмотра привычной «пятичленки» и объединения докапиталистических антагонистических формаций в единую сословно-классовую. Впрочем, небольшие дополнения и уточнения, критический взгляд на такой критерий выделения общественных формаций, как преобладающая форма собственности, привели к тому, что в центре внимания оказалась не менее проблематичная категория «исторические типы техники». Эти типы, конечно, можно выделять, но дискурс о технике и технологиях неизбежно приводит к необходимости сочетать количественные и качественные их признаки. В итоге мы либо сталкиваемся с бесконечным разнообразием этих типов, либо имеем дело с количественными показателями вроде экономической производительности, чем постоянно и пользовались идеологи, связывая коммунизм с неким (правда, постоянно отодвигаемым в далекое светлое будущее) порождающим изобилие уровнем научно-технического развития.

Но все это не означает, что теория общественных формаций в корне несостоятельна. Сегодня, принимая к сведению новые открывающиеся тенденции общественного развития, мы можем попытаться переосмыслить ключевые принципы выделения общественных формаций. В статье нами предложено выделять общественные формации по «качественному» критерию преобладающих источников потребительных ценностей (природа, контролируемые природные процессы, труд, творчество).

Соответственно ревизии подвергаются и границы общественных формаций. Новая оптика позволяет увидеть, что исторические социализм и ка-

¹ Так как само «обладание личностью» становится главным фактором политического и, условно говоря, культурного господства (выражающемся в контроле над дискурсом), принадлежности к высшей социальной страте в рамках данной общественной формации (Давыдов 2019).

питализм основаны на одном преобладающем источнике потребительных ценностей (труд), а потому их объединяют схожие противоречия, общие сущностные черты (конкуренция, эксплуатация труда, отчуждение и т.п.). Разница заключается лишь в политико-правовом оформлении отношений эксплуатации (государство как совокупный собственник в СССР). Поэтому нужно говорить не только о единой сословно-классовой общественной формации, которая объединяет выделяемые ранее «азиатские», рабовладельческие и феодальные общества, но и о *единой классовой формации*. Следующей же, *постклассовой (персоналистской)*, общественной формации соответствует творчество как основной источник потребительных ценностей. Именно на узловых проблемах творчества в качестве ключевого источника потребительных ценностей необходимо сконцентрировать усилия, чтобы разглядеть черты грядущей общественной формации. Она, думается, будет иметь свою внутреннюю логику, свои собственные противоречия, а стало быть, имманентные ей категории не следует смешивать с категориями постепенно уходящей в прошлое классовой эпохи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Амбарцумов Е.А. (ред.) 1984. История марксизма. Т. 1. Марксизм во времена Маркса / общ. ред. и предисл. Амбарцумова Е.А. Москва : Прогресс. 408 с.
- Андерсон П. 2007. Переходы от античности к феодализму. Москва : Издат. дом «Территория будущего». 288 с.
- Андерсон П. 2010. Родословная абсолютистского государства. Москва : Издат. дом «Территория будущего». 512 с.
- Белл Д. 2004. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Москва : Academia. 994 с.
- Бриньольфон Дж., Макафи Э. 2017. Вторая эра машин. Москва : Neoclassic ; АСТ. 384 с.
- Бузгалин А.В. 2014. Поздний капитализм: капитал, рабочий, креатор // Свободная мысль. № 1. С. 135-146.
- Бузгалин А.В. 2017. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. № 7. С. 43-53.
- Бузгалин А.В. 2018. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производственных сил и производственных отношений : (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. № 2. С. 10-38.
- Бузгалин А.В. 2008. XXI век: в чем был прав и в чем ошибался Карл Маркс // Альтернативы. № 4. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/8546-xxi-vek-v-chem-byi-prav-i-v-chem-oshibalsya-karl-marks.html (дата обращения: 02.10.2019).
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. 2019. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. № 1. С. 18-28.
- Вазюлин В.А. 2019. Логика истории: Вопросы теории и методологии. Москва : Ленанд. 384 с.
- Воейков М.И. 2015. Вперед к капитализму? К вопросу о предстоящей стадии социально-экономического развития России // Свободная мысль. № 4. С. 126-139.

Горц А. 2010. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 208 с.

Давыдов Д.А. 2019. На пути к новой антагонистической формации? // Дискурс-Пи. № 1. С. 10-20.

Давыдов Д.А. 2020. Личность и государство в терниях посткапитализма: на пути к новой антагонистической общественной формации. Москва : URSS. 218 с.

Делягин М.Г. 2019. Конец эпохи: осторожно, двери открываются!. Т. 1. Общая теория глобализации. Москва : ИПРОГ ; Книж. мир. 832 с.

Илюшечкин В.П. 1990. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах : (опыт системно-структурного исследования). Москва : Наука. 435 с.

Илюшечкин В.П. 1996. Теория стадийного развития общества (история и проблемы). Москва : Издат. фирма «Восточ. лит.» РАН. 409 с.

Кабаев Г. 1961. Что такое способ производства. Москва : Моск. раб. 85 с.

Каутский К. 2013. История социализма: Предтечи новейшего социализма. Москва : Акад. проект. 848 с.

Качановский В.Ю. 1971. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? Спор об общественном строе древнего и средневекового Востока, доколониальной Африки и доколумбовой Америки. Москва : Наука. 289 с.

Келле В.Ж. 1975. К анализу социально-исторической концепции К. Маркса в работе Ф. Тёкеи // Ф. Тёкеи. К теории общественных формаций. Москва : Прогресс. С. 259-270.

Колганов А.И., Бузгалин А.В. 2014. Полемические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии // Социологические исследования. № 3. С. 120-131.

Кондрашов П.Н. 2014. Онтологические структуры историчности. Исследование философии истории Карла Маркса. Москва : URSS. 318 с.

Кондрашов П.Н. 2016. Нелепость, ставшая привычкой // Свободная мысль. № 5. С. 203-217.

Кржевов В.С. 2018. Теория общественно-экономических формаций и программа социалистической революции в России // Вопросы философии. № 12. С. 47-57.

Лавровский В.М., Барг М.А. 1958. Английская буржуазная революция. Москва : Изд-во социально-эконом. лит. 368 с.

Маркс К. 1956. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Из ранних произведений. Москва : Госполитиздат. С. 517-642.

Маркс К. 1959. К критике политической экономии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Госполитиздат. Т. 13. С. 1-167.

Маркс К. 1960. Капитал. Т. 1 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Госполитиздат. Т. 23. С. 1-920.

Маркс К. 1961. наброски ответа на письмо В.И. Засулич // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Госполитиздат. Т. 19. С. 400-420.

Маркс К. 1962. Капитал. Т. 3 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Госполитиздат. Т. 25, ч. 2. С. 1-558.

Маркс К. 1968. Экономические рукописи 1857-1859 годов // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Госполитиздат. Т. 46, ч. 1. С. 1-317.

Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Госполитиздат. Т. 3. С. 7-544.

Мейсон П. 2016. Посткапитализм: гид по нашему будущему. Москва : Ад Маргинем Пресс. 416 с.

Ойзерман Т.И. 1961. Формирование философии марксизма. Москва : Изд-во социально-эконом. лит. 550 с.

- Ойзерман Т.И. 2003. Марксизм и утопизм. Москва : Прогресс-Традиция. 568 с.
- Плетников Ю.К. (ред.) 1983. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: целостность, единство и многообразие, формационные ступени / отв. ред. Ю.К. Плетников. Москва : Наука. 535 с.
- Сёменов Ю.И. 1998. Марксова теория общественно-экономических формаций и современность // *Философия и общество*. № 3. С. 190-233.
- Славин Б.Ф. 2019. Возвращение Маркса: О социальном идеале Маркса и исторических судьбах социализма. Москва : Ленанд. 304 с.
- Тёкеи Ф. 1975. К теории общественных формаций. Москва : Прогресс. 274 с.
- Цаголов Г.Н. (ред.) 2016. Новое интегральное общество: Общетеоретические аспекты и мировая практика / Богомолов О.Т., Водолазов Г.Г., Глазьев С.Ю. и др. ; отв. ред. Г.Н. Цаголов. Москва : URSS. 256 с.
- Шевченко В.Н. 2016. Цивилизационный подход под огнем критики // *Вопросы философии*. № 2. С. 33-44.
- Энгельс Ф. 1961. Анти-Дюринг. Перевоорот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Госполитиздат. Т. 20. С. 5-343.
- Aron R. 1962. *Dix-Huit Leçons Sur La Société Industrielle*. Paris : Gallimard. URL: <http://documents.irevues.inist.fr/handle/2042/30131> (дата обращения: 02.10.2019).
- Rifkin J. 2015. *The Zero Marginal Cost Society: The Internet of Things, the Collaborative Commons, and the Eclipse of Capitalism*. New York : St. Martin's Griffin. 448 p.
- Sorokin P.A. 1960. Mutual Convergence of the United States and the U.S.S.R. to the Mixed Sociocultural Type // *International Journal of Comparative Sociology*. Vol. 1, № 2. P. 143-176.
- Srniecek N., Williams A. 2015. *Inventing the Future. Postcapitalism and a World Without Work*. New York : Verso. 272 p.

Dmitry A. Davydov, Institute of Philosophy and Law of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7978-9240

ResearcherID: O-3033-2017

SPIN-код: 1881-6989

Article received 04.10.2019, accepted 07.04.2020, available online 06.07.2020

UNFINISHED DISCUSSION: AN ATTEMPT TO RECONSIDER PRINCIPLES OF ALLOCATING SOCIOECONOMIC FORMATIONS

Abstract. The article raises the question of the heuristic potential of the theory of socioeconomic formations. The author tries to challenge the opinion shared by many researchers that this theory was an exclusively ideological product aimed at justifying the political regime that prevailed in the USSR. Behind dogmatic template-like judgments the lively discussions aimed at elucidating the universal laws of social development were hidden. The results of these discussions do not lose their relevance today as many scientists are discussing again the prospects of a post-capitalist society.

The theory of socioeconomic formations is aimed at finding relevant criteria for highlighting the historical stages of social development within the framework of a materialistic

understanding of history. As such a criterion, the prevailing forms of ownership, historical types of technology, and the specifics of relations of production are proposed. At the same time, the article substantiates that each of these criteria had produced many problems. Thus, the traditional Eurocentric scheme for changing the prevailing forms of ownership was poorly coordinated with the social processes taking place in the East. The technical and technological criterion turned out to be extremely difficult in terms of identifying the qualitative stages of scientific and technological development. The emphasis on the specifics relations of production led to poorly consistent conclusions that there was a fundamental difference between Soviet socialism and Western industrial capitalism.

The article attempts to discard obsolete dogmatic and ideological constructions from the theory of social formations. At the same time, it proposes using such a criterion for highlighting social formations as the prevailing sources of consumer values (natural processes, controlled natural processes, labor, and creativity). This criterion allows to connect qualitatively a quantitative technical and technological criterion with political and legal phenomena, such as prevailing forms of ownership, systems of relations of power, exploitation and exclusion, etc., into a single causal scheme. An attempt was made to redefine social formations (pre-class, class-class, class, personalist), based on the corresponding prevailing sources of consumer values. The conclusion is made that the historical forms of socialism and capitalism are different modifications of the class socioeconomic formation (based on labor as the predominant source of consumer values). The emergence of a personalistic socioeconomic formation based on creativity as the main source of consumer values is an extremely controversial process. This formation will have its internal logic and contradictions; therefore, the categories characterizing it should not be confused with the categories of a class socioeconomic formation that is gradually fading into the past.

Keywords: theory of socioeconomic formations; socioeconomic formations; capitalism; socialism; communism; Marxism; post-capitalism; mode of production

For citation: Davydov D.A. *Neokonchennaya diskussiya: k voprosu o printsipakh vydeleniya obshchestvennykh formatsiy* [Unfinished discussion: an attempt to reconsider principles of allocating socioeconomic formations], *Antinomii = Antinomies*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 75-103. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10203. (in Russ.).

The present article is part of the project “The Contours of Post-Capitalist Society: Perspectives and Social Contradictions (research grant No. 19-011-00650 A – Russian Foundation of Basic Research).

References

Ambartsumov E.A. (ed.) *Istoriya marksizma. T. 1. Marksizm vo vremena Marksa* [The History of Marxism. Vol. 1. Marxism in the Time of Marx], Moscow, Progress, 1984, 408 p. (in Russ.).

Anderson P. *Perekhody ot antichnosti k feodalizmu* [Passages from Antiquity to Feudalism], Moscow, Izdatel'skiy dom “Territoriya budushchego”, 2007, 288 p. (in Russ.).

Anderson P. *Rodoslovnaya absolyutistskogo gosudarstva* [Lineages of the Absolutist State], Moscow, Izdatel'skiy dom “Territoriya budushchego”, 2010, 512 p. (in Russ.).

Aron R. *Dix-Huit Leçons Sur La Société Industrielle*. Paris, Gallimard, 1962, available at: <http://documents.irevues.inist.fr/handle/2042/30131> (accessed: October 02, 2019).

Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting], Moscow, Academia, 2004, 994 p. (in Russ.).

Brynjolfsson E., McAfee A. *Vtoraya era mashin* [The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies], Moscow, Neoclassic, AST, 2017, 384 p. (in Russ.).

Buzgalin A.V. *Kreativnaya ekonomika: chastnaya intellektual'naya sobstvennost' ili sobstvennost' kazhdogo na vse?* [Creative Economy: Private Intellectual Property or Ownership by Everybody of Everything?], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017, no. 7, pp. 43-53. (in Russ.).

Buzgalin A.V. *Pozdnyy kapitalizm i ego predely: dialektika proizvodstvennykh sil i proizvodstvennykh otnosheniy : (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya Karla Marksa)* [Late Capitalism and Its Limits: Dialectics of Productive Forces and Production Relations The Decline of Neo-liberalism (to the 200th Birth Anniversary of Karl Marx)], *Voprosy politicheskoy ekonomii*, 2018, no. 2, pp. 10-38. (in Russ.).

Buzgalin A.V. *Pozdnyy kapitalizm: kapital, rabochiy, kreator* [Late Capitalism: Capital, Worker, Creator], *Svobodnaya mysl'*, 2014, no. 1, pp. 135-146. (in Russ.).

Buzgalin A.V., Kolganov A.I. *Transformatsii sotsial'noy struktury pozdnego kapitalizma: ot proletariata i burzhuzii k prekariatu i kreativnomu klassu?* [Social Structure Transformation of Late Capitalism: from Proletariat and Bourgeoisie Towards Precariat and Creative Class?], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2019, no. 1, pp. 18-28. (in Russ.).

Buzgalin A.V. *XXI vek: v chem byl prav i v chem oshibalsya Karl Marks* [XXI Century: What was Right and What was Wrong Karl Marx], *Al'ternativy*, 2008, no. 4, available at: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/8546-xxi-vek-v-chem-byl-prav-i-v-chem-oshibalsya-karl-marks.html (accessed October 02, 2019). (in Russ.).

Davydov D.A. *Lichnost' i gosudarstvo v terniyakh postkapitalizma: na puti k novoy antagonisticheskoy obshchestvennoy formatsii* [Personality and State in the Thorns of Post-capitalism: on the Way to a New Antagonistic Socioeconomic Formation], Moscow, URSS, 2020, 218 p. (in Russ.).

Davydov D.A. *Na puti k novoy antagonisticheskoy formatsii?* [On the Way to a New Antagonistic Socioeconomic formation], *Diskurs-Pi*, 2019, no. 1, pp. 10-20. (in Russ.).

Delyagin M.G. *Konets epokhi: ostorozhno, dveri otkryvayutsya! T. 1. Obshchaya teoriya globalizatsii* [End of an Era: Watch Out, the Doors Open! Vol. 1. General Theory of Globalization], Moscow, IPRG, Knizhnyy mir, 2019, 832 p. (in Russ.).

Engels F. *Anti-Dyuring. Perevorot v nauke, proizvedennyy gospodinom Evgeniem Dyuringom* [Herr Eugen Dühring's Revolution in Science], *K. Marks, F. Engel's. Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Gospolitizdat, 1961, vol. 20, pp. 5-343. (in Russ.).

Gorz A. *Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital* [The Immaterial: Knowledge, Value and Capital], Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2010, 208 p. (in Russ.).

Ilyushechkin V.P. *Ekspluatatsiya i sobstvennost' v soslovno-klassovykh obshchestvakh : (opyt sistemno-strukturnogo issledovaniya)* [Exploitation and Ownership in Estate and Class based Societies (Experience in System-Structural research)], Moscow, Nauka, 1990, 435 p. (in Russ.).

Ilyushechkin V.P. *Teoriya stadiynogo razvitiya obshchestva (istoriya i problemy)* [The Theory of the Staged Development of Society (History and Problems)], Moscow, Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura" RAN, 1996, 409 p. (in Russ.).

Kabaev G. *Chto takoe sposob proizvodstva* [What is the Mode of Production], Moscow, Moskovskiy rabochiy, 1961, 85 p. (in Russ.).

Kachanovsky V.Yu. *Rabovladieniye, feodalizm ili aziatskiy sposob proizvodstva? Spor ob obshchestvennom stroe drevnego i srednevekovogo Vostoka, dokolonial'noy Afriki i dokolumbovoy Ameriki* [Slavery, Feudalism, or the Asian Mode of Production? The Debate About the Social Order of the Ancient and Medieval East, Pre-colonial Africa and Pre-Columbian America], Moscow, Nauka, 1971, 289 p. (in Russ.).

Kautsky K. *Istoriya sotsializma: Predtechi noveyshego sotsializma* [Forerunners of Modern Socialism], Moscow, Akademicheskiiy proekt, 2013, 848 p. (in Russ.).

Kelle V.Zh. *K analizu sotsial'no-istoricheskoy kontseptsii K. Marksa v rabote F. Tekei* [By the Analysis of the Socio-historical Conception of Marx in the Work of F. Tokei], *F. Tekei. K teorii obshchestvennykh formatsiy*, Moscow, Progress, 1975, pp. 259-270. (in Russ.).

Kolganov A.I., Buzgalin A.V. *Polemicheskie zametki o tselevykh aktsentakh al'ternativnoy sotsial'no-ekonomicheskoy strategii* [Polemical Notes on Target Accents Alternative Socio-economic Strategy], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2014, no. 3, pp. 120-131. (in Russ.).

Kondrashov P.N. *Nelepost', stavshaya privyichkoy* [Absurdity that has Become a Habit], *Svobodnaya mysl'*, 2016, no. 5, pp. 203-217. (in Russ.).

Kondrashov P.N. *Ontologicheskie struktury istorichnosti. Issledovanie filosofii istorii Karla Marksa* [Ontological Structures of Historicity. The Study of Karl Marx's Philosophy of History], Moscow, URSS, 2014, 318 p. (in Russ.).

Krzhevov V.S. *Teoriya obshchestvenno-ekonomicheskikh formatsiy i programma sotsialisticheskoy revolyutsii v Rossii* [Theory of Social Formations and the Socialist Revolution Program in Russia], *Voprosy filosofii*, 2018, no. 12, pp. 47-57. (in Russ.).

Lavrovsky V.M., Barg M.A. *Angliyskaya burzhuaznaya revolyutsiya* [The English Bourgeois Revolution], Moscow, Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury, 1958, 368 p. (in Russ.).

Marx K. *Ekonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov* [Grundrisse], *K. Marks, F. Engel's. Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Gospolitizdat, 1968, vol. 46, pt. 1, pp. 1-317. (in Russ.).

Marx K. *Ekonomicheskoye-filosofskoye rukopisi 1844 g.* [Economic and Philosophic Manuscripts of 1844], *K. Marks, F. Engel's. Iz rannikh proizvedeniy*, Moscow, Gospolitizdat, 1956, pp. 517-642. (in Russ.).

Marx K. *K kritike politicheskoy ekonomii* [A Contribution to the Critique of Political Economy], *K. Marks, F. Engel's. Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Gospolitizdat, 1959, vol. 13, pp. 1-167. (in Russ.).

Marx K. *Kapital. T. 1* [Capital. Vol. 1], *K. Marks, F. Engel's. Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Gospolitizdat, 1960, vol. 23, pp. 1-920. (in Russ.).

Marx K. *Kapital. T. 3* [Capital. Vol. 3], *K. Marks, F. Engel's. Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Gospolitizdat, 1962, vol. 25, pt. 2, pp. 1-558. (in Russ.).

Marx K. *Nabroski otveta na pis'mo V.I. Zasulich* [Drafts of the Letter to Vera Zasulich], *K. Marks, F. Engel's. Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Gospolitizdat, 1961, vol. 19, pp. 400-420. (in Russ.).

Marx K., Engels F. *Nemetskaya ideologiya* [The German Ideology], *K. Marks, F. Engel's. Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Gospolitizdat, 1955, vol. 3, pp. 7-544. (in Russ.).

Mason P. *Postkapitalizm: gid po nashemu budushchemu* [PostCapitalism: A Guide to our Future], Moscow, Ad Marginem Press, 2016, 416 p. (in Russ.).

Oyzerman T.I. *Formirovaniye filosofii marksizma* [Marxism and Utopianism], Moscow, Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury, 1961, 550 p. (in Russ.).

Oyzerman T.I. *Marksizm i utopizm* [The Formation of the Philosophy of Marxism], Moscow, Progress-Traditsiya, 2003, 568 p. (in Russ.).

Pletnikov Yu.K. (ed.) *Marksistsko-leninskaya teoriya istoricheskogo protsessa. Istoricheskiiy protsess: tselostnost', edinstvo i mnogoobrazie, formatsionnye stupeni* [Marxist-Leninist Theory of the Historical Process. The Historical Process: Integrity, Unity and Diversity, Formational steps], Moscow, Nauka, 1983, 535 s. (in Russ.).

Rifkin J. *The Zero Marginal Cost Society: The Internet of Things, the Collaborative Commons, and the Eclipse of Capitalism*, New York, St. Martin's Griffin, 2015, 448 p.

Semenov Yu.I. *Marksova teoriya obshchestvenno-ekonomicheskikh formatsiy i sovremennost'* [Marx's Theory of Socioeconomic Formations and Modernity], *Filosofiya i obshchestvo*, 1998, no. 3, pp. 190-233. (in Russ.).

Shevchenko V.N. *Tsivilizatsionny podkhod pod ognem kritiki* [Civilization Approach under the Fire of Criticism], *Voprosy filosofii*, 2016, no. 2, pp. 33-44. (in Russ.).

Slavin B.F. *Vozvrashchenie Marksa: O sotsial'nom ideale Marksa i istoricheskikh sud'bach sotsializma* [The Return of Marx: On the Social Ideal of Marx and the Historical Fates of Socialism], Moscow, Lenand, 2019, 304 p. (in Russ.).

Sorokin P.A. Mutual Convergence of the United States and the U.S.S.R. to the Mixed Sociocultural Type, *International Journal of Comparative Sociology*, 1960, vol. 1, no. 2, pp. 143-176.

Srnicek N., Williams A. *Inventing the Future. Postcapitalism and a World Without Work*, New York, Verso, 2015, 272 p.

Tsagolov G.N. (ed.) O.T. Bogomolov, G.G. Vodolazov, S.Yu. Glaz'ev et al. *Novoe integral'noe obshchestvo: Obshcheteoreticheskie aspekty i mirovaya praktika* [New Integral Society: General Theoretical Aspects and World Practice], Moscow, URSS, 2016, 256 p. (in Russ.).

Tokei F. *K teorii obshchestvennykh formatsiy* [To the Theory of Socieconomic Formations], Moscow, Progress, 1975, 274 p. (in Russ.).

Vazyulin V.A. *Logika istorii: Voprosy teorii i metodologii* [Logic of History: Questions of Theory and Methodology], Moscow, Lenand, 2019, 384 p. (in Russ.).

Voeykov M.I. *Vpered k kapitalizmu? K voprosu o predstoyashchey stadii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii* [Forward to apitalism? On the Upcoming Stage of Socio-Economic Development of Russia], *Svobodnaya mysl'*, 2015, no. 4, pp. 126-139. (in Russ.).